

Столица. Поместье принца-регента

В столичном поместье принца-регента было не протолкнуться от заезжих лекарей и придворных целителей. Наследник Ань Цзыянь вновь слег — застарелый недуг воротился с новой силой. Подобное случалось и прежде, и каждый горожанин знал, как сильно принц-регент дорожит старшим сыном. По его просьбе император даже велел огласить высочайший указ: всякий, кто исцелит Ань Цзыяня, волен просить о любой награде, и регент исполнит это желание, чего бы оно ни стоило. Со всех концов Поднебесной в столицу потянулись врачеватели, но день за днем они покидали поместье ни с чем, оставляя безутешного отца в еще большем отчаянии.

На сей раз болезнь нагрянула внезапно и оказалась беспощадной. Фэн Бэйцэ безвылазно сидел у постели сына. Дни сливались в бесконечные, полные тревоги ночи. Он неотрывно смотрел на измученного, мечущегося в бреду Цзыяня и всем сердцем страшился, что этот приступ дитя уже не переживет.

Придворные лекари продолжали ставить иглы, пытаясь облегчить страдания юноши. Самого регента, Ань Шаоциня, в столице не было — государственные дела особой важности требовали его личного присутствия на окраинах страны. Хотя верный Чжао Цянь уже отправил весточку, господин не смог бы вернуться раньше чем через две недели.

Старший лекарь сверился с водяными часами и принялся бережно извлекать серебряные иглы из тела юноши. Обреченно покачав головой, он повернулся к принцессе-консорту:

— Ваше Высочество, боюсь, наследник не переживет сегодняшний день.

Закончив говорить, старик скорбно опустил взгляд и принялся убирать инструменты в лаковый футляр.

Фэн Бэйцэ покачнулся, земля ушла у него из-под ног. Если бы стоявший позади Мо Линь вовремя не подхватил господина под локоть, тот непременно лишился бы чувств.

— Как же так?.. — прошептал Фэн Бэйцэ, и слезы хлынули. — Неужели ничего нельзя сделать?

Перед мысленным взором предстал уезжающий супруг. Уезжая, Шаоцин просил его беречь их мальчика, а он... не уберег. Если Ань Шаоцинь вернется и застанет хладное тело сына, он в ярости камня на камне не оставит от всей Императорской медицинской академии. Но страшнее гнева супруга была сама мысль о потере их первенца.

— Ваше Высочество, недуг гнезился в теле наследника с самого рождения, — со вздохом отозвался лекарь. — Все эти годы его жизнь поддерживали лишь редчайшие снадобья. Не родился он в императорской семье, угас бы еще младенцем. То, что Его Высочество дожил до совершеннолетия, уже великое чудо. Увы, пощады ждать больше не приходится. Готовьтесь к худшему, господин...

Склонившись в глубоком поклоне, лекарь поспешил удалиться, пряча стыд за собственное бессилие.

В спальне повисла тяжелая, гнетущая тишина. В этот миг двери распахнулись, и на пороге показался запыхавшийся дворецкий Линь. Фэн Бэйцэ, едва взглянув на верного слугу, мягко отстранился от державшего его Мо Линя. Шатаясь от горя, он подошел к постели сына, взял из таза влажное полотенце и бережно отер осунувшееся, мертвенно-бледное лицо Цзыяня.

Природа щедро одарила Цзыяня красотой, но, как часто бывает с прекрасными созданиями, отмерила ему слишком короткий век.

В этот момент в комнату ворвался Ань Цзыпин. Узнав о скорой кончине брата, мальчик рыдал навзрыд, не помня себя от горя.

— Папа! Неужели брата действительно нельзя спасти? Я не хочу, чтобы он умирал! Не хочу!..

Фэн Бэйцэ взглянул на младшего сына, которого вырастил собственными руками, и его собственная выдержка окончательно рухнула. Слезы душили обоих. Видя безграничное горе своих хозяев, слуги безмолвно склонили головы. Никакие слова утешения сейчас не имели смысла.

— Дворецкий Линь... — с трудом произнес Фэн Бэйцэ. — Готовьте все необходимое для... для погребения. Мо Линь, ступай и принеси то одеяние, что мы в прошлом месяце купили в Ателье Изящной Вышивки. Наш мальчик пришел в этот мир нагим, так пускай уйдет из него нарядным и красивым.

Он ласково погладил холодную щеку первенца. Кожа казалась ледяной, словно у покойника. И лишь едва заметное колыхание шелкового одеяла выдавало слабое, угасающее дыхание.

— Папа, умоляю, не надо! Брат ведь еще дышит, он жив! — Ань Цзыпин вцепился в рукав дворецкого, не давая тому сделать ни шагу.

Мальчик верил: стоит дворецкому Линю уйти за погребальным саваном, как Цзыяня не станет навсегда. Да, слуги шептались, будто он не родной сын принцессы-консорта. Цзыпин знал, что его родная мать совершила нечто ужасное и была с позором изгнана из поместья. Но для него Фэн Бэйцэ всегда оставался единственным отцом, а Цзыянь — самым дорогим старшим братом.

— Цзыпин! Куда делось твое воспитание? Этому ли тебя учил наставник? — резко оборвал его Фэн Бэйцэ, чей разум помутился от скорби. — Когда твоего брата не станет, тебе придется принять титул наследника и нести бремя рода! Ступай в свои покои и подумай над своим поведением!

Цзыпин замер, пораженный этими словами. Папа никогда прежде не говорил с ним столь

сурово.

— Но ведь нужно дождаться отца! К тому же... брат ведь еще не покинул нас! Мне не нужен титул наследника, я не хочу быть им! Я хочу лишь одного — чтобы брат выздоровел!

Цзыпин впервые в жизни посмел перечить отцу в такой манере. Однако, заметив, как смертельно побледнел Фэн Бэйцэ, он тут же устыдился своего порыва.

— Папа... неужели совсем нет надежды? — уже гораздо тише спросил он.

— Папа... не ругай... Пин-эра...

Слабый, едва различимый голос заставил всех вздрогнуть. Ань Цзыянь медленно открыл глаза. Первое, что он увидел, была ссора брата и отца.

— Цзыпин... теперь ты должен... позаботиться об отце и папе вместо меня... Кхм-кхм!

Цзыянь понимал, что его время истекло. Раньше, как бы тяжело он ни занемог, на лицах близких не бывало столь глубокого отчаяния. От старых слуг он знал, что еще в утробе матери едва не погиб: боковая наложница Му Лянь подсыпала папе отраву с диким сафлором. Лишь чудом выжив после того яда, он родился слабым и болезненным. То, что судьба позволила ему прожить эти годы, уже было великой милостью.

— Дитя мое, молчи, не трать силы! — Фэн Бэйцэ кинулся к подушкам. — Быстрее, лекари, сюда! Наследник очнулся!

Встревоженные целители вновь окружили постель. Один из них осмотрел глаза юноши и лишь сокрушенно покачал головой.

Один за другим лекари опустились на колени перед ложем.

— Ваше Высочество, это лишь предсмертный проблеск угасающего духа, — промолвил старший из них, не поднимая глаз. — Силы Его Высочества на исходе. Мы бессильны.

«Предсмертный проблеск...»

Фэн Бэйцэ слишком хорошо знал, что означают эти страшные слова. С новой силой хлынули слезы, а в груди вспыхнула испепеляющая ненависть к Му Лянь. Если бы не эта тварь, если бы не та проклятая чаша с отравой, его драгоценный первенец не страдал бы всю жизнь. Бэйцэ никогда не стремился к славе, не плел интриг ради власти. О, если бы время можно было повернуть вспять! Если бы он только ведал, какая судьба ждет его дитя, он бросил бы все и бежал из столицы на край света.

Но было поздно. Слишком поздно.

Он никогда не причинял зла другим, но пал жертвой коварства. В этот миг Бэйцэ готов был отдать собственную жизнь, заключить сделку с любыми богами, лишь бы спасти сына. Он принял бы строжайший обет, молился день и ночь, терпел любые лишения — только бы его мальчик дышал. Его несчастное, измученное дитя...

Принц-консорт сотрясаясь в беззвучных рыданиях. Маленький Цзыпин уткнулся лицом в постель брата и громко плакал. Слуги замерли, боясь издать хоть шорох. Над роскошными покоем нависла тень неминуемой смерти.

Вдруг снаружи долетел шум торопливых шагов. Двери распахнулись, и в комнату, едва переводя дух, влетел слуга.

— Ваше... Ваше Высочество! — задыхаясь, заговорил он, указывая рукой на ворота. — Там... у входа какой-то старик с юношей! Старик утверждает, что может спасти Его Высочество наследника!

Эти слова прозвучали подобно грому среди ясного неба. В душе Фэн Бэйцэ вспыхнул крошечный, но отчаянный огонек надежды. Пусть это обман, пусть заезжие шарлатаны просто ищут щедрой наживы — сейчас он ухватился бы и за соломинку. Поспешно осушив слезы и оправив одежды, принц-консорт приказал:

— Немедля впусти их! Зови сюда!

Слуга склонился и бросился исполнять поручение.

Вскоре слуга вернулся, ведя за собой двоих путников. Первый, глубокий старик, щеголял длинной белоснежной бородой. Спутник его, совсем еще юноша, отличался благородной, утонченной красотой.

— Ваше Высочество, вот они, — доложил слуга.

Старик степенно поклонился:

— Приветствую Ваше Высочество принца-консорта. Позвольте ничтожному лекарю осмотреть больного и прощупать его пульс.

Фэн Бэйцэ молча отступил, уступая место у постели. Он не знал, скрывается ли под маской благообразного старца искусный целитель или очередной проходимец, но выбирать не приходилось.

Старец неспешно приблизился к ложу. Достав из-под шелкового одеяла безжизненную, ледяную руку Цзыяня, он прижал сухие пальцы к его запястью. Свободной рукой он задумчиво поглаживал длинную седую бороду. Время тянулось медленно, словно густой мед. Минуту не меньше четверти часа, прежде чем старик бережно уложил руку наследника обратно и приподнял его веки, вглядываясь в помутневшие глаза с той же тщательностью, что и придворные лекари. Прошло еще столько же времени. Наконец он выпрямился и протянул ладонь назад, к своему юному спутнику:

— Хуайшэн, достань фиолетовый флакон из дорожного узла.

Красивый юноша, Чоу Хуайшэн, тотчас повиновался: развязал дорожную суму и бережно извлек крошечный сосуд темного стекла.

Приняв флакон, старик вытащил восковую пробку. В тот же миг по покоям разлилось тонкое, едва уловимое благоухание редких трав. Целитель вытряхнул на ладонь округлую иссиня-черную пилюлю. Сноровистым движением он слегка нажал на челюсть Цзыяня, заставляя того приоткрыть рот, и опустил лекарство на язык юноши.

Едва коснувшись влаги, пилюля растаяла, превратившись в густой темный сок. Старик осторожно приподнял голову больного за затылок, помогая целебной влаге беспрепятственно стечь в глотку.

Уложив Цзыяня обратно на подушки, старец аккуратно расправил широкие рукава своего даосского халата и повернулся к хозяину дома:

— Ваше Высочество, я дал молодому господину «Пилюлю из ароматной яшмы, возвращающую душу». В нашей обители «Зал Трех Жизней» было создано всего пять таких драгоценных лекарств. Оно временно удержит дух наследника в теле.

— Временно?.. — Голос Фэн Бэйцэ дрогнул. — Значит ли это, что мой Янь-эр все равно обречен?

Он только-только поверил в чудо, и этот приговор вновь обрушил его в бездну отчаяния.

— Позвольте мне договорить, господин, — мягко прервал его старец. — Жизнь его теперь вне опасности, но дабы исцелить недуг полностью, вам придется отпустить юношу со мной на гору Небесного Духа. То благословенное место скрыто от мирской суеты и полно духовной силы. Лишь там произрастают редчайшие травы, способные изгнать болезнь из его костей. Увы, эти растения мгновенно увядают, стоит сорвать их и унести прочь. Спасительное снадобье можно приготовить лишь на месте. Посему молодому господину придется отправиться со мной.

— Гора Небесного Духа? — не сдержавшись, воскликнул притихший было Ань Цыпин. — Но ведь это же священная гора из древних преданий! Папа, неужели она и впрямь существует?

— Цзыпин, прикуси язык! Не вмешивайся, когда взрослые разговаривают, — строго осадил его Фэн Бэйцэ.

Мальчик виновато опустил голову и отступил на полшага. Принц-консорт вновь обратился к лекарю:

— Мастер, но ведь гора Небесного Духа... Действительно ли она существует?

Бэйцэ не раз встречал упоминания об этой обители бессмертных в старинных свитках и на живописных полотнах, но всегда полагал её лишь красивой сказкой. В народе ходили легенды о смельчаках, уходивших на поиски священной кручи, однако все они возвращались ни с чем. Со временем гору и вовсе стали считать вымыслом.

— Она существует, уверяю вас, — загадочно усмехнулся старец, поглаживая бороду. — Ничтожный укрыл ее от праздных взоров при помощи построения «Восемь триграмм Неба и Земли». С тех пор никто посторонний не может отыскать к ней дорогу, и лишь моим ученикам ведом тайный путь. Ну так что скажете, Ваше Высочество? Готовы ли вы доверить мне своего сына?

— Уважаемый мастер, — Фэн Бэйцэ на миг задумался. Будучи благородного происхождения, он умел вести беседу мягко, но твердо. — Принц-регент всем сердцем привязан к старшему сыну. Если я отпущу Цзыяня без его ведома, это будет величайшим упущением. Прошу вас, оставайтесь в нашем поместье в качестве почетных гостей. Мой супруг должен вернуться со дня на день. Пусть он сперва увидится с сыном, а после мы снарядим Его Высочество в дорогу. Что скажете?

— Что ж, раз таково ваше желание, мы примем ваше гостеприимство, — поклонился старец. — Однако я должен предупредить: действие пилюли продлится не более месяца. Если в течение тридцати дней наследник не прибудет на гору и не примет «Росу небесного аромата, продлевающую жизнь», то даже легендарный Хуа То не сумеет вырвать его из лап смерти. Посему, если принц-регент не явится в течение пяти дней, мне придется забрать юношу без его благословения. Согласны ли вы на это условие?

— Договорились. Если через пять дней супруг не вернется, я вверю судьбу сына вашим рукам, — кивнул Фэн Бэйцэ. — Скажите лишь... когда мой Янь-эр придет в себя?

— Его Высочество очнется сегодня в полночь, в час Крысы. Как только это произойдет, пусть слуги поднесут ему чашу отвара из тысячелетнего линчжи. Завтра в полдень велите поварам приготовить жидкую рисовую кашу на женьшеневой воде. Кормите его так трижды в день.

— Благодарю вас от всего сердца, мастер, — Бэйцэ низко поклонился. — Назовите вашу цену. Любое сокровище из сокровищницы регента будет преподнесено вам на парчовом подносе.

— Об этом мы потолкуем, когда молодой господин полностью поправится, — добродушно

прищурился старик. — Сейчас же нам не нужно наград.

— В таком случае позвольте мне лично проводить вас в гостевые покои. Дворецкий Линь! Вели немедленно подать лучшие яства в Башню Осеннего Леса. Уважаемый мастер, прошу вас, следуйте за мной.

Обычно встречей гостей занимались слуги, но сейчас Бэйцэ не мог доверить это простолюдинам. Перед ним стояли спасители его ребенка, и принц-консорт счел своим долгом выказать им величайшее почтение.

<http://bllate.org/book/18341/1766174>